

БОЛОТОВЕДЕНИЕ

Двенадцать тысяч лет назад отползший ледник оставил за собой наполненные водой низины. На дне водоёмов накапливались постепенно останки умерших растений и животных, появлялись растения, выбрасывающие свои побеги на поверхность воды, водоём зарастал, над ним растительность образовывала своеобразный купол, с которого вода стекала на окружающую территорию, которая, в свою очередь заболачивалась.

Так, вкратце, образуются болота. Этот процесс изучает специальная наука - болотоведение.

Само собой, у обычного человека болото вряд ли вызовет чувства, которые вызывает, например, сосновый лес утром, но мне довелось встретить людей, буквально в болото влюблённых в Рдейском заповеднике, который существует с 1994 года.

Крайний дом в Замощье куплен заповедником у местной жительницы. Мария Суворова сама не отсюда родом, в Замощье раньше работала в пекарне. В детстве побывала малолетней узницей у немцев, а отца потеряла во время репрессий: ему дали восемь лет лагерей, и из Пермской области он так и не вернулся.

Пожилая женщина в деревне последние месяцы: собирает переезжать в Красный Бор к сыну. Вот только нужно собрать урожай.

А картошка у неё в огороде вымахала чуть не под метр ростом:

- Как же это вы такой картофель вырастили? Ведь дожди...

Довольная улыбка:

- Второго мая сажала.

Сейчас дом Марии Суворовой переполнен постояльцами - здесь разместились ребята из московской биологической школы, приехавшие в заповедник на недельную практику.

Вместе с ребятами и сотрудниками заповедника отправляемся на экскурсию по болоту. Смотрим, как вынчивается в мох ручная бур, а потом его вынимают с торфом в челноке. Так определяют возраст торфяной залежи.

Заповедник в Холмском районе создали, чтобы сохранить ред-

кие виды зверей, птиц и растений. Здесь обитают медведь, лось, кабан, рысь, бобр. Из птиц - чёрный аист, гагара, редкие виды куropатки. Произрастают 35 редких видов растений.

ЗАМОШЬЕ

В самой деревне соседством заповедника не очень довольны - с его созданием местным жителям запретили ходить по клюкву. Об этом мы беседуем с местным жителем Михаилом Ивановичем Грибановым.

Помимо Замощья, здесь ещё несколько деревень, стоящих почти вплоты: Борисово, Клевдино. Подалее Замощья есть ещё полуживая деревня Фрюнино, а за ней начинается болото. Само Замощье - полупустая деревня с магазином в центре, у которого два раза в день разворачивается холмский автобус.

Покой округи иногда нарушают несколько проживающих в Замощье уголowników, а покой самих местных жителей - гнус, которого, как мы уже сказали, здесь несметное количество, так что по ночам люди спят под марлевыми пологами.

У Михаила Ивановича, пожалуй, самое крупное хозяйство в деревне - корова, шесть овец, поросёнок, есть ещё пасека и трактор. При этом, как, наверное, все сельчане сейчас, он не слишком доволен ни деревенской жизнью, ни положением в стране:

- Я никогда в партии не состоял, но голосов всегда за коммунистов. Горбачёва и Ельцина считаю главнейшими врагами страны.

- А когда-нибудь здесь жилось хорошо?

- При Брежнев. Тогда, что ни говори, нормально жили.

- А предвоенные годы вы помните?

- Да. Что же? Был порядок. Правда, "чёрный ворон" приезжал, увозил людей.

- Война вас здесь застала?

- Да. Мне было четырнадцать лет. Мы тогда жили в соседней деревне - Клевдино. Немцы быстро здесь оказались - в августе. В срок втором году здесь были большие бои. В Замощье стояли немцы, а в Борисово - партизаны. Немцев здесь много погибло. Несколько лет

назад сюда приезжали из Германии, разьёживали могилу какого-то офицера, который похоронен здесь за деревней, но так и не нашли.

Ещё помню был у немцев подполковник - начальник медицинской службы. Это был хороший человек, лечил и местных. Но его всё равно партизаны убили в засаде. А вообще мало хороших немцев было. Здесь три деревни было сожжено, а все жители расстреляны. Ещё здесь стояли эстонские эсэсовцы, у нас говорили: "немец - плохо, финн - ещё хуже, а эстонцы - хуже всех".

Однажды отец, он на фронте не был как инвалид - семь лет отсидел в окопах в мировую и в гражданскую - говорит мне: "Михаил, приезжал Андрей-переводчик, сказал, что будут тебя забирать в немецкую армию» (это вроде как во владовцы). Пришёл я на призывной пункт. Там гауптман спрашивает одного: пойдёшь служить? Тот: нет. Гауптман достаёт пистолет и при нас в него стреляет. Так убили трёх человек, остальные стали соглашаться. Когда да меня дошла очередь, я, как отец научил, говорю: "Мне одиннадцать лет". Гауптман скомандовал: вон. А кто пошёл к ним служить, потом оказались на Колыме, одно-два письма от них пришло - и всё. Только один вернулся. Он отсидел шесть лет и вышел по амнистии, рассказывал, какое это страшное место - Большой дом в Ленинграде - ручек на дверях нет, всё на кнопках.

После войны здесь всё было разорено, голод был. Мы с братом и ещё с одним приятелем поехали на заработки в Прибалтику. Ехали в товарном вагоне. Это было запрещено, и мы делали так: сдирали пломбы, двое забирались, третий лепил пломбы обратно, а мы его потом втягивали через окно. Сначала добрались до Латвии, но там нам насветовали пробыться в Литву. Пришли мы в Литву. Объяснили нам, как идти к ферме, на которой были нужны работники. Пошли мы туда. Вдруг - видим: бегут вооружённые люди, кричат, стали стрелять. Мы попадали в канаву. Нас вытащили, раздели, пистолеты приставили и спрашивают по-русски только:

- Коммунист? Энкаведист?

Оказалось - "лесные братья". А вооружены они были так, как я не видел у немцев или у наших: автоматы, пистолеты, бинокли у каждого. Мы говорим: нет, нет, отпустите, пожалуйста. Стали они с нами разговаривать: как там ваш Сталин поживает? Мы говорим: Сталин гад, замучил совсем. В общем, отпустили они нас.

Потом смотрим - зашли они на ферму, забирают у хозяйки ящики с яйцами, грузят на телегу. Как мы потом узнали, у них были некото-

рые фермеры назначены десятниками - кто собирал для них по округе яйца, кто мясо и т.д.

Вернулись мы в Латвию. Стали там работать у разных хозяев. Латыши - хорошие люди, но строгие. Бывало так, что нам подбрасывали деньги. А мы сразу несли их хозяевам, потому что знали - убьют, если найдут. Платили нам хорошо - летом по мешку зерна за рабочий день. А потом сами латыши подвезли нас до станции. Погрузились мы в товарный вагон, едем. Мы уже знали, что между вагонами есть такая х.ка, которую если выдернуть, то поезд останавливается. На ближайшей к дому станции мы поезд остановили, мешки повыбрасывали и вернулись домой с хлебом.

На следующий год ездили в Восточную Пруссию. Там стояли наши войска, собирали урожай, молотили. Мы гнали самогон и меняли его на зерно. Однажды пришли солдаты, предложили за самогон два мешка зерна и мешок фасоли. Мы согласились, а по дороге ночью они нам пистолет к виску и самогон весь забрали. Мы стали просить, чтобы не убивали, они нам говорят: в комендатуру не обращайтесь.

Так каждый год мы ездили на заработки. Брат у меня погиб, когда "лесные братья" пустили эшелон под откос.

...Потом Михаил Иванович работал в колхозе, тридцать лет отработал в лесничестве, затем занялся пчеловодством:

- У меня мёд покупали для обкомовской столовой.

Как мы уже говорили, нынешней жизнью он не очень доволен:

- Когда-то в здешнем колхозе было две тьюячи коров и четырёста гектар картофеля, который приезжали убирать студенты из Ленинграда. Сейчас ничего не осталось. Пекарня закрылась. Жена у меня работала в Холме на молокозаводе - сколько там отгружали молока, масла. Сейчас он закрыт. Сын работал в леспромпхозе, его уволили за два пропущенных дня, хотя у него был бюллетень. Он решил заняться хозяйством. Попросил в сельсовете выделить земли, у нас трактор есть. Ему отказали - не числится среди пайщиков бывшего колхоза. А у кого есть пай, тем земля даром не нужна. Самогон всегда гнали, но сейчас, как сахар подорожал, стали сыпать всякую отраву - уже трое в деревне умерло.

Теперь вот устроили этот заповедник - в лес нельзя зайти. А вот озеро Рдейское в заповедник не включили, сделали заказником. Зимой туда Прусак с Иваньковым ездят на вездеходах рыбачить...

И знаете, этим летом я слышу уже разговоры в деревне, что, мол, сгорел бы этот заповедник - не жалко...

Ольга Стародубцева, заместитель директора заповедника по научной работе:

- Во время сбора ягод в заповеднике подрывается кормовая база животных, возникает дополнительная пожарная опасность. К сожалению, когда устанавливали границы заповедника, их провели чуть ли не по деревенским огородам, видимо, для удобства. Я думаю, не было бы беды, если бы эта граница прошла километром-двумя дальше. На самом деле, в двух километрах от деревни есть охранный зона, где ягоду собирать можно, но - запретный плод всегда манит... В своё время следовало бы провести разъяснительную работу среди жителей, но, думаю, и она не сняла бы всё недовольство...

Кирилл ПРИВАЛОВ